

ДЕТЕКТИВ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

Исповедь Сатурна

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Исповедь Сатурна / Чингиз Абдуллаев. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. —
(Абдуллаев. Детектив на все времена).

ISBN 978-5-699-93957-2

Вроде бы давно закончились беспокойные времена для Алексея Воронина. Когда-то, на афганской войне, он потерял левую руку, но это не помешало ему стать первоклассным киллером по кличке Левша. Позже он разбогател и перебрался в США. Настала спокойная жизнь... Но это лишь иллюзия. Пахан русских «братков» в Нью-Йорке Козырь получил выгодный заказ на убийство. Условие одно: киллера — обязательно русского — должна застрелить полиция. Козырь выбирает для этого дела Левшу. Бандиты прижимают однорукого киллера к стенке — и, кажется, деваться ему некуда, придется исполнять заказ. Вот только сам Воронин думает иначе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93957-2

© Абдуллаев Ч. А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Значит, все-таки случилось то, что можно было предвидеть, но нельзя было предотвратить.

Франц Кафка. Замок

БАРСЕЛОНА. ЗА ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ

Взрыв прогремел неожиданно. Собственно, любой взрыв всегда бывает неожиданным. Прохожие в ужасе замерли. Некоторые попадали на землю, раздался громкий женский крик, заплакал ребенок. Взорвавшийся автомобиль повредил несколько машин, припаркованных рядом. Двое сотрудников полиции уже бежали к горящей машине с другого конца улицы. Но главное происходило рядом с автомобилем. Человек лет шестидесяти, собиравшийся несколько мгновений назад сесть в салон автомобиля, отпрянув при взрыве, упал на тротуар. У него было обожжено лицо, повреждена рука. Но он был жив. Очевидно, водитель, поспешивший раньше его сесть в машину и завести мотор, оказался невольным виновником случившейся трагедии.

Взрывное устройство было установлено таким образом, чтобы взрыв произошел через несколько секунд после того, как водитель,

вставив ключ зажигания, заведет мотор. Но пассажиру повезло. Он задержался у подъезда и не успел дойти до «Пежо», когда тот взорвался прямо перед ним. Машина еще горела, когда пассажир, поднявшись с тротуара, с трудом попытался подойти к автомобилю, чтобы помочь водителю. Но его остановил офицер полиции:

— Осторожно, синьор, не подходите! Машина может взорваться еще раз.

— Там человек... — попытался объяснить несчастный, чудом оставшийся в живых пассажир.

— Да, да, — кивнул офицер, не давая ему подойти к машине, — но вы ему уже ничем не поможете. К сожалению, у нас в стране иногда случаются подобные эксцессы, синьор. Вам лучше отойти подальше, здесь очень опасно. — Сотрудник полиции понял по акценту говорившего, что перед ним иностранец. — Сейчас приедут врачи и окажут вам помощь, — добавил он.

Но иностранец не уходил. Он продолжал стоять в опасной близости от горящего автомобиля, вокруг которого уже начала собираться толпа зевак. Слышались завывания полицейских сирен, машин «Скорой помощи» и

пожарных, которые спешили к месту происшествия.

— Это мой водитель, — неожиданно выдавил пассажир, поправляя разорванный галстук. Он был в легком светлом костюме.

— Что? — повернулся к нему офицер. — Как вы сказали?

— Это был мой водитель, — повторил пассажир, прижимая к груди левую руку. На ладони была видна кровь. Рубашка его была испачкана, рукав пиджака порван, но, видимо, пассажир был так ошеломлен, что не обращал на это внимания.

— Это ваша машина? — понял офицер. — Это ваш водитель?

— Да, — кивнул иностранец. — Они хотели убить меня. Мафия. Они хотели меня убить, — он взглянул на дом, из которого вышел, но все окна были закрыты. Он невольно вздохнул. Неужели в доме не слышали взрыва? Хотя, возможно, она сейчас в ванной комнате, на другом конце квартиры.

Офицер был опытным сотрудником. Он работал в полиции уже одиннадцать лет и понимал, насколько важен подобный свидетель. Оглянувшись в поисках своих коллег, офицер подозвал одного из них к себе, чтобы пере-

крыть дорогу к горевшему «Пежо». И снова посмотрел на пассажира.

— Как вас зовут? — терпеливо спросил он. — Где ваши документы?

— Не помню, — признался пассажир, — кажется, они остались в машине. Не помню, куда я их положил.

— Как вас зовут? — повторил офицер более требовательно.

— Я иностранец, — ответил пассажир, почему-то оглянувшись по сторонам, словно в поисках поддержки неизвестных друзей.

— И почему вы полагаете, что террористы хотели убить именно вас? — уже совсем другим тоном спросил сотрудник полиции.

В этот момент к ним шагнули сразу несколько человек в штатском.

— Подождите, офицер, — негромко сказал один из них. — Этот вопрос относится к компетенции органов национальной безопасности. Разрешите, мы заберем нашего подопечного.

— Кто вы такие? — нахмурился офицер. — Что здесь происходит?

— Этот человек — гость нашей страны, — пояснил сотрудник службы безопасности. — Вот мое удостоверение. Вы поверите мне на слово или поедете вместе с нами для проверки?

Взглянув на удостоверение, офицер с изумлением понял, кто именно стоит перед ним.

— Простите, синьор полковник, — пробормотал он, — я не думал, что все столь серьезно.

— Очень серьезно, — кивнул полковник. — Этот господин, машину которого взорвали, — бывший премьер-министр своей страны. Мы немного опоздали, у него в этом доме была встреча со знакомой, и он поехал один, без обычной охраны. Хорошо еще, что остался жив. Такое чудо бывает раз в жизни.

— Да, — согласился офицер, — раз в жизни.

БОСТОН. АЭРОПОРТ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я стою в международном аэропорту города Бостона и наблюдаю за выходящими пассажирами. От нетерпения у меня начинают дергаться руки. Я с удивлением смотрю на них и вижу, что они дергаются одинаково. Можно будет потом рассказывать об этом друзьям как анекдот — ведь левой руки у меня нет уже много лет. Я потерял ее еще в восемьдесят восьмом, когда моя рота попала под перекрестный огонь. Именно тогда мне оторвало левую руку у всех на глазах. Врачи чудом спасли мне жизнь. Это было в Афганистане, а через год

мы вывели свои войска. Но я в это время был уже демобилизован и выслушивал оскорбления своей жены, которой не нужен был такой муж.

Вообще-то и поженились мы как-то странно, не совсем так, как я себе представлял. Все наши друзья твердили, что мы прекрасная пара, хотя я видел в своей невесте кучу недостатков. И самым большим недостатком была ее истеричность, она била мне по нервам. Но пока у меня были две руки, все было относительно неплохо. А когда я вернулся одноруким инвалидом, все поменялось.

Даже сейчас, спустя почти полтора десятка лет, я вспоминаю об этом с содроганием. Как она измывалась надо мной. Но, очевидно, она еще больше ненавидела себя. Ее подруга вышла замуж за преуспевающего бизнесмена, который сумел сделать деньги в те годы, когда другие не знали, где добыть хлеб для семьи. Последние годы перед распадом Советского Союза были особенно трудными. Продукты в магазинах почти исчезли, началась дикая инфляция. Какой-то идиот придумал, что можно разрешить обналичивать безналичные деньги. Вот тогда все и началось. Да и общий бардак сыграл свою роль.

Но мне от этого было не легче. Моя бывшая супруга оскорбляла меня прямо при сыне, вымещая свою ненависть и неудачное замужество на нас обоих. Разве она могла тогда подумать, что через несколько лет я стану миллионером и буду жить в Америке, высылая ей деньги на содержание и воспитание сына. Она мне ни разу не написала, а я и не ждал от нее вестей. Иногда мои знакомые навещали мою бывшую семью и рассказывали мне об успехах Кости, моего сына.

Она дважды близко сходилась с какими-то мужчинами. Но первый оказался рохлей и довольно быстро сбежал от нее, а второй попробовал жить альфонсом — на мои деньги. Однако ему очень быстро объяснили, что не стоит оставаться в этой семье, и он предпочел исчезнуть. Моя жена, правда, так и не узнала, почему и куда сбежал второй мужчина, с которым она прожила несколько месяцев.

Константин рос здоровым, крепким парнем. Мне иногда даже присылали его фотографии. Когда я переехал в Америку, ему было шестнадцать, и он оканчивал школу. Сейчас ему уже двадцать два года, он работает. Успел прослужить два года в армии, причем в пограничных войсках. Его отправили служить в

Таджикистан, и я очень волновался при одной мысли, что против моего сына будут действовать те самые душманы, из-за которых я однажды остался без руки. Но все обошлось. Костя вернулся домой без единой царапины и уже полтора года работает в каком-то охранном ведомстве. Честно говоря, я давно решил вытащить его в Америку. Я послал ему приглашение еще до того, как он пошел служить в армию, но он тогда не успел им воспользоваться. Да его бы и не отпустили, он обязан был отслужить в армии. Я тогда даже подумал, что так будет лучше — ведь в то время я не мог послать ему приглашение от своего имени. Нужно прожить пять лет в Соединенных Штатах с грин-картой, чтобы получить право ходатайствовать об американском гражданстве. Я получил американское гражданство в прошлом году. Вот тогда я и послал Косте приглашение от своего имени. Мне пришлось сделать это дважды, пока он наконец согласился приехать. Я не хотел звонить его матери, своей прежней жене, мне пришлось позвонить Косте на его мобильный телефон, чтобы уговорить приехать. Сначала он колебался. Это было два месяца назад. А всего лишь месяц назад произошли события, которые в корне изменили

обстановку, и теперь я, честно говоря, даже не знаю, рад я или не рад приезду сына. Тьфу, пошел ты к черту! Конечно, рад! Безумно рад, несмотря ни на что. И поэтому я стою в аэропорту и вижу, как мимо меня проходят прилетевшие пассажиры.

Я чувствую, как меня начинает бить крупная дрожь. Последнюю фотографию Кости я получил, когда он служил в армии. Наверное, он изменился, вероятно, возмужал. Интересно, смогу ли я его узнать? Конечно, можно было встать с табличкой, на которой была бы написана его фамилия. Моя бывшая фамилия. Ведь много лет назад я был гражданином Советского Союза, ветераном афганской войны, инвалидом, офицером в отставке. С тех пор многое изменилось. Давно нет Советского Союза, нет его армии, победившей во Второй мировой войне и так бездарно разваленной в дни мира. Давно нет человека, которым я когда-то был. Я даже могу вспомнить, что раньше у меня была та же фамилия, что и у Кости, — Воронин. Потом у меня были клички. Потом я был Алексеем Викентьевичем Махрушкиным. Ненавидел я эту фамилию, под которой мне пришлось убивать. Зато теперь я — Алекс Келлер, американский гражданин. Я взял фамилию Нади Кел-

лер, моей любимой женщины, которая погибла более шести лет назад, как раз перед моим переездом в Америку.

Нам тогда пришлось тяжело, нас едва не убили. Нам — это мне, Наде и ее дочери Саше, которая сейчас стоит рядом со мной. Саше уже тринадцать лет, и она успела вытянуться. Она волнуется не меньше моего — ведь ей предстоит впервые встретиться со своим «братом». Хотя Саша мне не родная дочь, я всего лишь удочерил девочку после гибели Нади. Должен сказать, что настоящий отец Александры ни разу за все эти годы не дал о себе знать, чему я был несказанно рад. Пусть так будет и дальше. Сашу я люблю как родную, мы за эти годы очень подружились, и я надеюсь повести ее к алтарю, когда она выберет себе любимого мужчину. Я заслужил это право как хороший, заботливый отец. Все, что у меня есть, я делал во имя своих детей. Во имя Саши, которая жила рядом со мной. И во имя Кости, который был далеко от меня. За все эти годы, увы, я так и не встретил достойной женщины.

Это совсем не значит, что у меня не было женщин. Были. Среди них были и неплохие, хотя американки в большинстве своем — это эмансипированные танки с броней из законов

о равноправии. Но иногда попадаются нормальные женщины. И тем не менее я до сих пор не женился. Может, потому, что не хотел огорчать Сашу. А может, потому, что мне было уже комфортно жить с ней вдвоем, и я не хотел приводить кого-либо в наш дом. Хотя, наверное, по большому счету, причина была только одна: я не встретил женщину, с которой хотел бы прожить всю оставшуюся жизнь. Если подумать, ведь это так просто. Нужно найти себе такого человека, с которым ты захочешь прожить всю свою жизнь. Не любовь, не уважение, не общие дети, не другие интересы. Только одна самая главная причина. Ты хочешь и можешь жить с этим человеком всю свою жизнь, делить с ним радость и горе, счастье и несчастье. Это то, что я называю Семей в самом высшем понимании этого слова.

Я по-прежнему волнуюсь. Каким будет наше первое свидание? Прошло столько лет. Я уехал из страны в середине девяностых. Еще в прошлом веке. Тогда все было непросто, тогда все было по-другому. С точки зрения судьбы мне, наверное, повезло. Очень повезло. К тому времени меня успели несколько раз подставить, и контрразведка знала, что активно действующий киллер Левша — это бывший